

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

Н. Ю. БИКЕЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ИСТОРИОГРАФИЕЙ

В статье рассматриваются особенности средневековой агиографии как жанра. Автор приходит к выводу, что средневековые жития, несмотря на наличие общих мест и сходных риторических приемов, близки средневековой историографии. В них можно найти данные не только о религиозных практиках, убеждениях и ценностях, но также о событиях повседневной жизни, общественных институтах и людях. Тематическая и риторическая нормативность не исключает идеологической гибкости и подвижности агиографических текстов. В статье выявляются причины возрастания интереса современных исследователей к агиографии.

Ключевые слова: агиография, историография, жития святых, святость, раннее средневековье, поздняя античность

Изучение агиографии имеет длительную¹ и противоречивую историю, в которой были и периоды пренебрежения ею интеллектуалами эпохи Просвещения, и позитивистская критика, и подходы, рассматривающие агиографию как важный элемент социальной жизни Средневековья. Сегодня историки не оспаривают значимость агиографических текстов для изучения позднеантичной и средневековой истории.

Агиография была одним из ведущих жанров средневековой литературы. Жития святых предназначались для широкой аудитории, включая необразованных людей, не владеющих латынью. Житийные сборники нередко сочетали в себе назидательный элемент с увлекательным стилем изложения. В многочисленных агиографических текстах, созданных в период от поздней античности до конца средних веков имеется ценная информация не только о религиозных практиках, убеждениях и ценностях, но также о событиях повседневной жизни, общественных институтах и людях, о чем многие другие документы той эпохи умалчивают. Не случайно изучение агиографии привлекает многих исследователей. Однако ответ на вопрос о том, где проходит водораздел между средневековой историографией и агиографией, пока не найден.

Современные ученые обозначают термином «агиография» как различного рода сочинения о святых, так и изучение этих источников. В последнем случае некоторые исследователи предпочитают говорить об «агиологии», чтобы избежать путаницы в использовании термина².

¹ Парамонова 2003а. С. 45.

² Henriet 2003. P. 75; Philippart 1994. P. 14.

Критическая агиография родилась в XVII в. В 1607 г. иезуит Хериберт фон Росвейд (*Heribert Rosweyde*, 1559–1629) из Утрехта представил программу издания агиографических источников (житий святых, страстей мучеников и т.п.), которое, как он полагал, будет содержать 18 томов. Деятельность Росвейда лежала в русле одной из ведущих тенденций XVII в. – развития архивных изысканий и особых методов источниковедческого анализа. В этот период началась регулярная обработка, а затем и публикация обширных серий средневековых документов, что сделало их доступными для изучения. Результатом этого стала практика цитирования подлинных документов в трудах ученых–эрудитов. Особую роль в публикациях документов сыграло общество иезуитов. Их деятельность объективно имела научное значение, так как при этом формировались методы установления подлинности документов, прежде чем они публиковались. Религиозные эрудиты издавали также руководства по датировке и установлению достоверности рукописей. В частности, Росвейд в своей программе определил четыре основных задачи:

1) восстанавливать подлинный текст настоящих агиографических документов, которые были искажены более поздними авторами, желающими улучшить их стилистику;

2) искать и публиковать ранее неизвестные и неотредактированные жития святых;

3) восстанавливать полные тексты документов, части которых были утеряны (например, прологи, описания чудес и т.д.);

4) добавлять комментарии для разъяснения трудностей в текстах и устранения несоответствий и противоречий³.

Росвейд работал с доступными ему житиями отцов-пустынников. Но он умер в 1629 г., не сумев завершить хотя бы один из запланированных томов⁴. Первые два тома агиографических текстов были опубликованы в 1643 г., учёным-иезуитом Иоганном Болландом (1596–1665)⁵. Это стало началом издания большой серии житий святых (*Acta sanctorum*), которое продолжается до настоящего времени⁶. По имени Болланда издатели этой серии называются болландистами. В основу издания *Acta sanctorum* был положен историко-критический метод; тексты публиковались по всем доступным рукописям, снабжались основательными введениями и комментариями. В целом болландисты оценивали жанр агиографии достаточно скептически с точки зрения его историчности. Интересно, что отношение к болландистам со стороны

³ Barnes 2010. P. 285-286.

⁴ Delahaye 1922. P. 8-21.

⁵ См. сайт общества болландистов: <http://www.bollandistes.org/index.php>. Также об этом: Heffernan, 1995, 217.

⁶ Афиногенов 2000. С. 420.

деятелей церкви с самого начала не было бесконфликтным. В 1695 г. испанская инквизиция прокляла как еретиков авторов первых 14-ти томов «Acta sanctorum», и этот приговор не отменялся в течение 20 лет⁷.

Во второй половине XIX в. господствовал позитивизм. Для историков-позитивистов было характерно пристальное внимание к вопросам природы исторического источника, классификации источников, способов их исследования. Позитивизм также стимулировал поиск новых источников, их публикацию, разработку методики анализа, способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин⁸. В конце XIX – первой четверти XX в., историки под влиянием позитивизма критически подходили к житийному жанру, стремились разделить «факт» и «вымысел» в агиографических сочинениях. Такой подход применял в своих исследованиях выдающийся болландист Ипполит Делеэ (*Hippolyte Delehaye*, 1859–1941). Он происходил из католической буржуазной семьи, для которой научные занятия и теология были традиционны. 23 сентября 1876 г. принял монашество в ордене иезуитов; После 1876 г. начал обучение естественным наукам в коллегии Сент-Барб в Генте, но затем обратился к истории и агиографии. Интересно, что его первой работой стала небольшая статья о растениях в Библии. С 1886 г. он сотрудничал с издательством «Analecta Bollandiana». В 1891 г. стал членом общества болландистов в Брюсселе. С 1912 г. до смерти Ипполит Делеэ – глава общества болландистов⁹.

В своей работе «Легенды святых»¹⁰ Делеэ предложил разделять жития святых на «эпические» и «исторические», тем самым противопоставив «агиографию» и «историографию». «Эпическое» житие (агиография) не стремится изложить историю так, как это сделал бы хронист, поэтому и подход к такому источнику должен отличаться от подхода к анналам и хроникам (т.е. к историографии)¹¹. Хотя сам Делеэ не рассматривал «эпические» жизнеописания как надежный источник, его исследования оказали сильное воздействие на дальнейшее изучение агиографии как жанра и возрастание к ней интереса историков. Метод Делеэ был основан на применении археологической и документальной критики текстов, используемой в библеистике¹² XIX в. В работах Делеэ отразились установки модернистского течения в Римско-католической церкви¹³, из-за чего его труды подвергались критике со стороны Ватикана.

⁷ Barnes 2010. P. 290.

⁸ См.: Репина 2004. С. 185.

⁹ Heffernan 1995. P. 217-218.

¹⁰ Delehaye 1905.

¹¹ Лурье 2009. С. 23-30.

¹² Польсков 2002. С. 25-58.

¹³ Модернизм в католицизме начался с библейских исследований, применения исторического метода и отказа от богословия св. Фомы как не соответствующего

Именно Делез принадлежит одно из наиболее распространенных сегодня определений термина «агиография». По его мнению, агиографический текст должен «быть религиозным по сути и быть предназначен для назидания. Этот термин должен вследствие этого быть использован для любой письменной работы вдохновленной и имеющей целью содействовать почитанию святых»¹⁴. Текст рассматривается им как агиографический не вследствие своей формы и функции, но исходя из его содержания. Однако определение агиографии, предложенное Делез, не позволяет ясно различить агиографию и историографию как определенные жанры. Так, например, средневековые авторы нередко используют в своих сочинениях фрагменты агиографических текстов. Например, Беда Достопочтенный включил в свою «Церковную историю народа англов» (*“Historia ecclesiastica gentis Anglorum”*)¹⁵ большие куски из жития св. Германа¹⁶. Авторы средневековых агиографических текстов в большинстве случаев так же используют термины *vita*, *gesta* и *historia*, как и в текстах, которые теперь считаются в большей степени историографическими (историческими).

На основании этого, некоторые современные исследователи полагают, что термин «агиография» – не средневековый по происхождению и, вследствие этого, подходят к решению проблемы различения «агиографического» и «историографического» жанров весьма радикально. Например, американский историк Ф. Лифшиц считает, что различия между агиографией и историографией как жанрами берут начало только в XII в., а своего пика достигают лишь в XIX в.¹⁷ В статье «За пределами позитивизма и жанра: “агиографические” тексты как исторический нарратив» он утверждает, что попытки выявить критерии, позволяющие отличить жанр «агиографии» от «историографии», обязательно потерпят неудачу, потому что не может быть единого универсального определения как агиографии, так и историографии. Рассматривая агиографию как особый жанр, Лифшиц обращает внимание на изменения политических структур и принципов историописания, которые произошли сначала в XII в., а затем в XIX в.: «С XII в. ...была создана новая парадигма, в рамках которой “историография” стала типом повествования, якобы связанным исключительно с областью разумной реальности, отделенной от

современному принципу веры. Представителей этого направления стремились изъять священную историю и Писание из области теологии, показать ее принадлежность человеческой истории, опираясь на естественнонаучные доказательства. Церковная традиция подлежала пересмотру в свете исторической достоверности. В этом движении активно участвовали церковные иерархи. См.: Воронцова 2017. С. 315-331.

¹⁴ Delehayе 1905. P. 2.

¹⁵ Беда Достопочтенный 2001. Книга I, XVII-XXI. С. 22-27.

¹⁶ Vita Germani episcopi 1920. 225–283.

¹⁷ Lifshitz 1994. Pp. 95-113.

царства священного, царства “святых”. Однако только в XIX в. была изобретена особая категория (или жанр) – “агиография”. С тех пор историография была готова очиститься от тех, кто осмелился писать о святых или чудесах в истории вообще, относя агиографические сочинения к области “суеверий”, “фольклора” или “народных верований”¹⁸. Автор пришел к выводу, что концепт «агиография» – идеологический инструмент, созданный в XIX в. для решения задач своего времени. Понятия «агиография» – это современная конструкция, которая ошибочно рассматривается как средневековая реальность, и его не следует использовать применительно к произведениям, написанным ранее XII в.

Следует отметить, что Лифшиц рассматривает только такие агиографические источники, как жития, в то время как определение, данное Делеэ, охватывает и другие типы агиографических текстов: мартирологи, страсти мучеников (*passio*), истории о чудесах святых – т.е. все тексты, касающиеся святых. Текст рассматривается как агиографический не вследствие своей формы и функции, но исходя из его содержания¹⁹. Отказаться от термина «агиография», как предлагает Лифшиц, не представляется возможным. Предпочтительнее использовать определение, данное Делеэ и основанное на содержании текстов.

Подобный подход можно увидеть у современных специалистов по данной проблематике, например, в «Словаре средневековой культуры»: «К агиографии могут быть отнесены тексты, существенно различающиеся по своим жанровым и функциональным параметрам: как предназначенные для литургических целей – мартирологи, особые службы и т.п., так и повествовательные тексты – страсти мучеников, жития святых, сказания об обретении и переносе (*translatio*) реликвий, истории о чудесах святых. В единую классификацию они объединены в силу того, что их содержание сфокусировано на образе святого и интерпретации феномена святости»²⁰. Некоторые исследователи подчеркивают, что термин «агиография» можно встретить в текстах, относящихся к периодам до XII в., правда, исключительно в отношении Священного Писания²¹. Позже сфера употребления данного термина расширяется, но непосредственно в текстах о святых он практически не употребляется²². Хотя термин «агиография» не использовался в средние века в том смысле, как сегодня, все же это не делает его бесполезным, поскольку многие современные исследования часто основаны на понятиях и идеях, которые не были известны и распространены в предшествующие эпохи.

¹⁸ Ibid. P. 108.

¹⁹ Интересную дискуссию по проблеме т.н. агиологии – научном исследовании агиографии – можно найти в кн.: Helvetius, 2000, Pp. 141-155.

²⁰ Парамонова 2003b. С. 22.

²¹ См.: Heinzelmann 2010, Philippart 1994. P. 3-5.

²² Philippart 1994. P. 8-11.

На VII Международном конгрессе медиевистов²³, состоявшемся в 2000 г. в Лидсе (Великобритания), была организована специальная секция № 1311 «Нет больше агиографии?». По заявлению участников обсуждения данной темы, причиной организации подобной секции стала указанная статья Ф. Лифшиц, которая лично принимала участие в этой дискуссии²⁴. В целом, участники дискуссии признали, что проблема агиографии как жанра осталась не решенной.

Пытаясь избежать использования термина «агиография», американский историк Томас Хеффернан назвал свою книгу «Священная биография» («Sacred biography»). Автор считает данное название более подходящим, так как термин «агиография» «под видом описания конкретной реальности может способствовать неправильному пониманию этих текстов и скрывать их оригинальность»²⁵. Хотя применение Хеффернаном словосочетания «священная биография» предлагает своеобразное решение проблемы восприятия агиографии со времен позитивистов как фальсификации (в противовес истории как «истины»), но одновременно это скрывает сложную историю термина «агиография», а вместе с ней и возможность исторического понимания данного вопроса. При этом выражение «сакральная биография» также не лишено предвзятости. Позитивистские критики религиозных текстов определяли «биографию» как истинную, объективную и непредвзятую, как форму научной истории. Попытка заменить «агиографию» «священной биографией» приводит к отбрасыванию всех смысловых коннотаций, связанных с оригинальной категорией, которая исторически сложилась в науке и культуре.

На протяжении XX в. отношение к агиографии как к источнику для изучения средневековых религиозных и социокультурных реалий постепенно менялось. Во многом интерес историков к агиографии был вызван желанием обнаружить новый смысл в текстах религиозного характера, которые прежде использовались только историками религии. Как отмечал позднее Хеффернан, агиографические тексты незаслуженно игнорировались вследствие чрезмерного стремления исследователей социальной и политической жизни средневековья к документальному подтверждению фактов²⁶. С середины 1960-х гг. многие исследователи политической и социальной истории средних веков обратились к поиску новых источников, которые могли бы представить дополнительную информацию к той, что уже была в научном обиходе. В это время была издана монография чешского историка Франтишека Грауса «Народ, Правитель и Святой в королевстве Меровингов», без ссылок на которую

²³ См.: http://www.leeds.ac.uk/arts/info/125137/international_medieval_congress

²⁴ <http://www.leeds.ac.uk/ims/imc/imc2000.html>

²⁵ Heffernan 1988. P. 16.

²⁶ Heffernan 1988. Pp.38-39.

сегодня не обходится ни одна работа о западной агиографии меровингской эпохи. Автор утверждал, что агиографические тексты отражают культурно-исторические ценности изучаемого периода²⁷.

Если теология и взгляды деятелей церкви изучались и ранее, то во второй половине XX в. ученых стала интересовать наряду с этим народная религиозность и персонажи, ранее считавшиеся маргинальными – паломники, визионеры, еретики. Святые, чьи культы являются непременным атрибутом народной религиозности, не могли в этом контексте не привлечь к себе внимания. Историки стали уделять все больше внимания социальной функции культов святых и агиографии²⁸.

В последнее время агиография изучается и как инструмент политических процессов²⁹, что можно рассматривать в русле возврата интереса к событийной истории. Но в новейших исследованиях есть одно существенное отличие: если ранее нарративные источники использовались в качестве доказательств и свидетельств того, что произошло в то время, которое описывается в тексте, то сегодня больше внимания уделяется вопросам происхождения и функциям самих текстов в политических процессах того времени, когда они были созданы. Вследствие этого, агиографические тексты используются все более и более как источник по изучению времени и среды автора, а не главного героя³⁰.

Британский медиевист Пол Фуракр, отмечает: чтобы понять историчность и социальный контекст агиографии, нужно понимать отношения «между обычным и нетрадиционным в жанре»³¹. Агиография охватывает множество текстов, возможно, большую часть раннесредневековой литературы³². Она включает в себя различные типы повествования, такие как жития святых, страсти мучеников, рассказы о чудесах, видениях, повествования об обретении и переносе реликвий³³. Некоторые исследователи также включают менее изученные литургические произведения, такие как мартирологи, литании и календари. Хотя агиографические сочинения иногда высмеиваются по их формульному характеру³⁴, они в то же время могут демонстрировать большое разнообразие.

²⁷ Graus 1965. P. 63.

²⁸ См., напр.: Le Goff, 1977 (рус. пер.: Ле Гофф 2000. С. 135-141), Schmitt 2001; Шмитт 1996; Гуревич 1981.

²⁹ Fouracre 1990. P. 3-38; 1999. P. 143-165; Парамонова 2003а.

³⁰ Странники этого подхода «рассматривают действия исторических акторов в их специфических локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их». См.: Репина 2008. С. 6.

³¹ Fouracre 1990. P. 8.

³² Ibid. P. 3.

³³ Geary 1996. Pp.3, 8. Philippart 1994. P. 2.

³⁴ Делез называл житие «взятым напрокат платьем». Цит. по: Арнаутова 2010.

Значительному росту интереса к агиографическим исследованиям способствовали труды американского специалиста по Поздней Античности Питера Брауна, который показал, что святые и их культы были неотъемлемой частью повседневной жизни общества этого периода³⁵. Столь же влиятельным был труд французского медиевиста Андре Воше о процессе канонизации святых в Позднее Средневековье³⁶. На материале нескольких сотен канонизационных процессов Воше выявил «критерии святости» в средневековом религиозном сознании и непрерывность традиции представлений о святости, которая, развиваясь, рождала новые смыслы и сочетания известных понятий. С 1994 г. началась реализация международного проекта по истории западноевропейской агиографии под руководством бельгийского историка Г. Филиппара³⁷, под его редакцией в серии “Corpus Christianorum” издательства Brepols с 1994 по 2010 г. вышло в свет пять томов. К настоящему времени вышли также шесть (2014) и семь (2018) томов под редакцией М. Гулля (*M. Goullet*)³⁸.

Американский историк Джейми Крейнер считает, что агиографические тексты следует рассматривать в свете решения не только религиозных, но и социально-политических задач. По её мнению, авторы житий, способствуя продвижению культов святых, стремились также оказать влияние на мораль, культуру и политику во франкских королевствах³⁹. В этих процессах участвовала вся элита меровингской эпохи – короли, епископы, представители знати. Жития святых, устанавливая новые стандарты социального порядка и справедливости, способствовали становлению христианского общества.

Подводя итог, следует отметить, что агиографические исследования стали сегодня одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований. И, несмотря на существующие споры и разногласия исследователей по поводу жанровых особенностей агиографических источников, их природы и сложности соотношения исторического текста и эпохи, его породившей, изучение позднеантичной и средневековой агиографии весьма плодотворно для понимания социально-культурных и политических реалий обществ прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии // История через личность: историческая биография сегодня. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. С. 112-138. [Arnautova Yu.E. Zhitije kak duhovnaja biographija: k voprosu o “tipicheskom” i “individual’nom” v latinskoy agiographii // Istorija cherez lichnost’ / Pod red. L.P. Repinoy M.: Kvadriga, 2010. S. 112-138]

³⁵ Brown 1981. (рус. пер.: Браун 2004).

³⁶ Vauchez 1981.

³⁷ Hagiographies, 1994-present

³⁸ <http://www.brepols.net/Pages/BrowseBySeries.aspx?TreeSeries=CCHAG>

³⁹ Kreiner 2014. P. 175.

- Афиногенов Д.Е. Acta Sanctorum // Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. 420. [Afinogenov D.E. Acta Sanctorum // Pravoslavnaia enciklopedija. M.: "Pravoslavnaia enciklopedija", 2000. T. I. S. 420]
- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. статья, комм. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетеия, 2001. 363 с. [Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaia istorija naroda anglov / Per. s lat., vstup. stat'ja, comm. V.V. Erlihmana. SPb.: Aleteja, 2001]
- Браун П. Культ святых, его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с. [Kul't svjatyh, ego stanovlenije i rol' v latinskom christianstve / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2004]
- Воронцова И.В. Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // Исторические Исследования. № 8. М.: МГУ, 2017. С. 315–331. [Vorontsova I.V. modernism (1890-1914) v Rimsko-Katolicheskoj Cerkvi I put' v nem Al'freda Luasi // Istoricheskiye Issledovanija. № 8. M.: MGU, 2017. S. 315-331]
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: «Искусство», 1981. 338 с. [Gurevich A.Ja. Problemy srednevekovoj narodnoj kultury. M.: "Iskusstvo", 1981]
- Ле Гофф Ж. Клерикальная культура и фольклорные традиции в меровингской цивилизации // Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 135–141. [Le Goff Zh. Klerikal'naja kultura i fol'klornyje tradicii v merovingskoj civilizacii // Drugoje Srednevekov'e: Vremja, trud i kultura Zapada. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. S. 135-141]
- Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с. [Lurje V.M. Vvedenije v kriticheskuju agiografiju. SPb.: Axioma, 2009]
- Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003(а). 405 с. [Paramonova M.Yu. Svjatyje praviteli Latinskoj Evropy i Drevnej Rusi: sravnitel'no-istoricheskij analiz vaclavskogo i borisoglebskogo kul'tov. M.: IVIRAN, 2003]
- Парамонова М.Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003(б). С. 22–29. [Paramonova M.Yu. Agiographija // Slovar' srednevekovoj kul'tury / Pod red. A.Ja. Gurevicha. M.: ROSSPEN, 2003. S. 22-29.]
- Польсков К. Библистика // Православная энциклопедия. М. 2002. Т. V. С. 25–58. [Pol'skov K. Bibleistika // Pravoslavnaia enciklopedija. M. 2002. T. V. S. 25-58]
- Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. 288 с. [Repina L.P. Istoriija istoricheskogo znanija / L.P. Repina, V.V. Zvereva, M.Yu. Paramonova. M.: Drofa, 2004]
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 5–11. [Repina L.P. Konteksty intellektual'noy istorii // Dialog so vremenem. 2008. V. 25/1. S. 5-11]
- Шмитт Ж.-К. Понятие сакрального и его применение в истории средневекового христианства // Мировое дерево (Arbor mundi). Вып. 4. М., 1996. С. 75–83. [Shmitt Zh.-K. Ponjatije sakral'nogo i ego primenenije v istorii srednevekovogo hristianstva // Mirovoje derevo (Arbor mundi). V. 4. M., 1996. S. 75-83]
- Barnes T.D. Early Christian Hagiography and Roman History. Mohr Siebeck, 2010.
- Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. London, 1981.
- Delehaye H. Les legends hagiographiques. Brussels, 1905.
- Fouracre P. Merovingian history and Merovingian hagiography // Past and Present. No. 127. 1990. Pp. 3-38.
- Fouracre P. The origins of the Carolingian attempt to regulate the cult of saints // The cult of saints in the Late antiquity and the middle Ages. Essays on the Contribution of Peter Brown / Ed. James Howard-Johnston and Paul Anthony Hayward. Oxford, 1999. Pp. 143-165.
- Geary P. Living with the Dead in the Middle Ages. Ithaca NY: Cornell University Press, 1996.
- Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Prague: Nakladatelství Československé Akademie, 1965.
- Hagiographies: Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines 1550 / Eds. Philippart G., Goulet M. 7 vols. Corpus Christianorum. Turnhout, 1994-present.

- Heffernan Th.J. Hippolyte Delehaye (1859-1941) // *Medieval Scholarship: Literature and philology* / Ed. Helen Damico et al., Joseph B. Zavadil, Donald Fennema. Taylor & Francis, 1995. Pp. 215-226.
- Heffernan Th.J. *Sacred Biography: Saints and Their Biographies in the Middle Ages*. Oxford University Press, 1988.
- Heinzelmann M. *L'hagiographie du haut Moyen Âge en Gaule du Nord. Manuscrits, textes et centres de production*. Stuttgart, 2001.
- Helvetius An.-M. Les saints et l'histoire. L'apport de l'hagiologie a la medievistique d'aujourd'hui // *Die Aktualitat des Mittelalters* / Ed. Hans-Werner Goetz. Bochum, 2000. Pp. 135-163.
- Henriet, P. Texte et contexte. Tendances re'centes de la recherche en hagiologie // *Religion et mentalite's au Moyen Age: Me'langes en l'honneur d'Herve' Martin* / S. Cassagnes-Brouquet, A. Chauou, D. Pichot and L. Rousselot (eds.) Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003. Pp. 75-86.
- Kreiner J. *The Social Life of Hagiography in the Merovingian Kingdom*. Cambridge: U.P., 2014.
- Le Goff J. *Pour un autre Moyen Âge: temps, travail et culture en Occident*. P.: Gallimard, 1977.
- Lifshitz F. Beyond Positivism and Genre: "Hagiographical" Texts as Historical Narrative // *Viator*. V. 25. Brepols Publishers, 1994. Pp. 95-113.
- Philippart, G. Hagiographes et hagiographie, hagiologes et hagiologie: des mots et des concepts // *Hagiographica*. V. 1. Brepols Publishers, 1994. Pp. 1-16.
- Schmitt J.-C. La notion de sacré et son application à l'histoire du christianisme médiéval // *Idem. Le corps, les rites, les rêves, le temps: Essais d'anthropologie médiévale*. Paris, 2001.
- Vauchez A. *La saintete a l'Occident aux derniers siecles du Moyen Age d'apres les proces de canonisation et les documents agiografiques*. Rome: Ecole frans de Rome, 1981.
- Vita Germani episcopi Autissiodorensis auctore Constantio // *Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici (IV)* / ed. B. Krusch and W. Levison. *Monumenta Germaniae Historica Scriptores Rerum Merovingicarum (MGH SRM)*. I 7. Hanover and Leipzig, 1920. P. 225-283.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета; newbin@mail.ru

Medieval Lives of saints: between history and hagiography

The article discusses medieval hagiography as a genre. The author comes to the conclusion that medieval Lives, despite of topoi and similar rhetorical devices, may be close to medieval historiography. In hagiographic texts one can find data not only about religious practices, beliefs and values, but also about the events of everyday life, public institutions and people. The thematic and rhetorical normativity do not exclude the ideological flexibility and mobility of hagiographic texts. The article reveals the reasons for the growing interest of modern researchers in hagiography.

Keywords: hagiography, historiography, the Lives of saints, holiness, the early Middle Ages, Late Antiquity Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Natalya Bikeyeva, PhD, Associate professor, Department of World History, Kazan Federal University; newbin@mail.ru